

ТАРПУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 18

Сборник научных работ
молодых филологов

ТАРПУ 2007

Редколлегия: М. Боровикова, Ф. Винокуров, Т. Гузаиров,
О. Голубева, Д. Иванов, О. Мусаева, В. Пехк-Иващенко,
Е. Шкловская, А. Штейнгольд

Ответственные редакторы:

Р. Войтехович (литературоведение)
Н. Йоонас, Е. Шкловская (лингвистика)

Технические редакторы:

С. Долгорукова (литературоведение)
Н. Йоонас (лингвистика)

Авторские права:

Статьи: авторы, 2007

Составление: Отделение русской и славянской филологии
Тартуского университета, 2007

ISSN 1406–0019
ISBN 978–9949–11–569–3

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press
www.tyk.ee
Eesti / Estonia

РЕФЛЕКСИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ

Дмитрий Коломацкий
(Москва)

Причастия в лингвистических работах по умолчанию считаются «образцом правильности» в аспекте пассивизации как морфологической, так и семантической. Постфикс *-ся* часто присутствует в глаголе, при этом глагол не образован ни от какого другого (*бояться*); он также далеко не всегда образует пассив — более того, непассивное значение *-ся* признано основным. Причастие же всегда четко образовано от глагола и всегда образует пассив. В спорах о том, является ли образование возвратных глаголов словоизменением или словообразованием, исследователи часто апеллируют к страдательным причастиям, которые в русистике традиционно считаются образцом словоизменения.

Однако в процессе корпусного исследования, посвященного дистрибуции русских пассивных форм, были найдены примеры, применительно к которым мы не можем с уверенностью утверждать, есть ли у причастия исходный глагол (так же, как и у глагола *бояться*), а также примеры, в которых причастие даже оказывается непассивным по значению. Все эти случаи опровергают как утверждения о регулярности образования причастий, так и уверенность в устойчивости их семантики.

Причастия, вызывающие сомнения в наличии факта деривации На данный момент зарегистрировано уже более двадцати случаев, когда причастие, с одной стороны, явно образовано от глагола, а с другой стороны, этот глагол в финитной форме употребляется или редко, или не употребляется вовсе. Это такие глаголы, как *меблировать* (*меблированная комната*), *забрасывать* (*заброшенный дом*), *коррумпировать* (*коррумпированные чиновники*), *моторизовать* (*мотанизированная дивизия*), *окровавить* (*окровавленная рука*), *цивилизовать* (*цивилизованная страна*) и др.

В этих случаях, безусловно, возникает вопрос: причастия ли перед нами или уже прилагательные? Он, по сути, эквивалентен

вопросу о том, сколько в них осталось глагольных свойств. Это предмет отдельной дискуссии. Интересно другое: каким образом эти слова вообще были образованы от глаголов, которые в финитной форме не употребляются или даже никогда не употреблялись? Возможно, мы сумеем объяснить этот факт после рассмотрения следующей проблемы, центральной в нашей работе.

Страдательные причастия с непассивным значением

Несомненно, интерес представляют причастия, которые утратили свое пассивное значение. Происходит изменение, казалось бы, самой сути страдательного причастия.

Итак, в процессе корпусного исследования были обнаружены причастия, которые не могут быть отнесены к пассиву в его традиционном понимании. Исследования, затрагивающие дистрибуцию возвратных глаголов и страдательных причастий, обычно не упоминают об этом интересном факте, хотя он способен изменить наши представления о распределении этих средств образования страдательного залога. Единственный раз данное явление описал Ю. П. Князев [Князев 1999: 49]. Не до конца ясно, считает ли он подобные причастия квазисинонимами возвратных глаголов или предлагает считать такие причастия образованными от возвратных глаголов (что, на наш взгляд, было бы менее правомерно). В любом случае, точного объяснения этому интересному факту Ю. П. Князев не дает.

Как уже было сказано, существование у постфиксa *-ся* непассивного значения не может вызвать удивления; страдательное же причастие всегда выступало неким «гарантом пассивности». Если предложение с возвратным глаголом можно трактовать по-разному, то причастие всегда обозначало страдательный залог:

- (1.1) *Он побрился за три минуты.*
- (1.2) *Он был побрит за три минуты.*

В примере намеренно употреблено наречие, обозначающее время, чтобы подчеркнуть акциональный ярлык¹ глагола во втором

¹ Развитие теории классов глаголов Зено Вендлера. Акциональный ярлык приписывается словоформе и отражает ее таксономические свойства; возможных акциональных ярлыков пять: состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультиплекативный процесс. Акциональный ярлык — элемент уровнем ниже акцио-

предложении: имеется в виду действие *побрить*. Если же этот глагол употребить в стативном значении, то мы получаем предложения, подобные следующему примеру, взятыму из Национального корпуса русского языка:

- (2) *Вы не бриты, у вас, простите, пиджак лопнул под мышкой...*
 (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора [НКРЯ]).

Нет никаких сомнений, что имеется в виду ситуация, при которой человек не брился сам, а не его кто-то не брил. И, тем не менее, употреблено страдательное причастие, когда перед нами рефлексив.

В данном случае мы имеем дело с самыми яркими примерами, и такой интересный эффект можно было бы списать на семантику самих глаголов: исследователям пассива известно, что глаголы ухода за собой — одни из наиболее последовательных в своей непассивности. Но дело не ограничивается классом глаголов ухода за собой:

- (3) *Возглавить процессы формирования социалистического сознания призвана наша партия, вооруженная научными знаниями о прошлом, настоящем, о тенденциях, имеющих реальную перспективу развития* (Идеология перестройки. «Известия», 23.02.1988. Упсальский корпус).

Статистические данные

Всего в выборке примеров со страдательными причастиями на -н / -т на данный момент 1814 предложений (источники: Упсальский корпус и Национальный корпус русского языка — НКРЯ). В процессе обработки базы встретилось 39 случаев непассивного употребления страдательного причастия. Это говорит, с одной стороны, о том, что данное явление не носит массового характера, а с другой стороны, о том, что оно не настолько случайно: 39 вхождений непассивных страдательных причастий не может быть окказиональным. Посмотрим, какими свойствами обладают примеры, попавшие в эту группу. В свете всего ранее сказанного нас будут интересовать их акциональные свойства, а также одушевленность «субъекта» (субъект предложения в случае кратких причастий и определяемое слово при причастии — для полных).

нального класса (относительного эквивалента классов Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 91–92] и типов видовых пар А. А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк, Шмелев 2000: 61]). Подробнее об акциональных ярлыках и акциональных классах см. [Татевосов 2005].

Акциональные ярлыки причастий

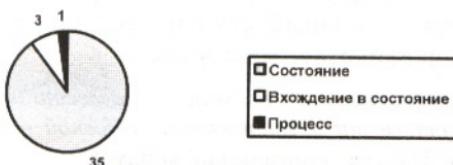

Диаграмма 1. Акциональные ярлыки непассивных причастий

Итак, подавляющее большинство примеров являются предложениями с т.н. статальными причастиями, которые в русистике противопоставляются акциональным (*Дверь была все время открыта* vs. *Дверь была открыта пять минут назад*). Из этого можно сделать вывод, что если причастие обозначает состояние, то пассивность может «ослабляться». Это косвенно подтверждает точку зрения о том, что статальные причастия отличаются по своим свойствам от акциональных.

У нас, однако, нет основания утверждать, что статальные причастия не имеют права называться страдательными причастиями. Не стоит забывать, что количество статальных причастий, которые обозначают пассив, по-прежнему велико, на порядок выше, чем количество описанных исключений. Так, в выборке проводимого корпусного исследования 1026 из 1814 примеров содержат статальные причастия с чистым пассивным значением.

Одушевленность субъекта

Прежде чем предпринять попытку объяснить феномен непассивных причастий, рассмотрим распределение «субъектов» при причастиях по признаку одушевленности:

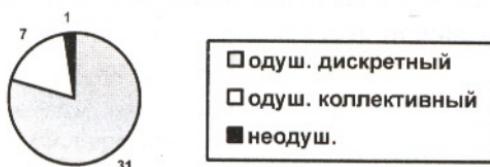

Диаграмма 2. Одушевленность субъекта

Под «коллективным одушевленным» подразумевается субъект, являющий собой совокупность людей: *страна, партия, школа и т.д.* Рассмотрим единичный случай неодушевленного субъекта при непассивной семантике причастия:

- (4) *Весна и надо ей занять поскорее свое место на земле, вырасти, отшуметь, отцвести и успокоиться луковкой обновленного корня* (B. Астафьев. Паруня. Уппсальский корпус).

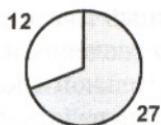
Пример достаточно спорный, но непассивная интерпретация здесь возможна, если считать, что корень *обновляется* за счет собственных клеток. Если действие происходит внутренними силами субъекта, о пассиве мы говорить не можем, поскольку тогда не наблюдается внешнего деятеля.

Влияние семантики глагола

Проинтерпретировать получившуюся статистику можно однозначно: чтобы причастие могло получить непассивное значение, субъект должен быть способен контролировать ситуацию. Однако, этот момент также не так прост — одного одушевленного субъекта недостаточно, необходимо участие семантики глагола: ведь если глагол не позволяет субъекту контролировать ситуацию, то непассивная интерпретация будет невозможна. Напр., в предложении «*Он был осужден за кражу*» субъект, несмотря на одушевленность, не может контролировать ситуацию в силу семантики глагола.

Возможность замены на постфикс -ся

Для выяснения природы наблюдаемого нами явления разумно будет задаться вопросом, можно ли в примерах на причастие с непассивным значением подставить вместо причастия возвратный глагол? Если причастие теряет свою пассивность, то логично предположить, что во всех случаях его можно будет заменить глаголом на *-ся*, ведь для возвратных глаголов непассивное значение — основное. Однако следующая диаграмма не оправдывает наших ожиданий на этот счет:

-ся возможен
 -ся невозможен

Диаграмма 3. Возможность подстановки
возвратного глагола

Примерно в 35 % случаев замена причастия на -ся невозможна. Для наглядности приведем несколько примеров предложений, которые не допускают подстановки возвратного глагола:

(5) *Опомнились, а враг пришел не худым троцкистом в очках, не ноговым бритым колчаком, но чужеземцем* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха [НКРЯ]).

(5) *В конце Второй мировой войны, например, Канада была гораздо более централизованным государством, нежели сейчас* (С. Дион. Развитые демократии не рушатся. «Известия», 09.07.2001 [НКРЯ]).

(7) *Он отлично тренирован, умеет постоять за себя, чрезвычайно сдержан, приветлив, полон достоинства, готов к приключениям и ударам судьбы, у него вроде бы есть и свой кодекс чести* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп [НКРЯ]).

Как и в примере (5), встречаются достаточно сложные случаи. Ведь можно заменить бритым колчаком на бреющимся колчаком, и описание внешности человека станет описанием его, скажем, привычек. В примере (7) слово *отлично* и вовсе делает невозможным подстановку возвратного глагола. Описывается результат, а не действие. В лучшем случае можно подставить на место причастия «*Он отлично натренировался*», что тоже, однако, изменит смысл предложения.

В этой области есть достаточно много пограничных случаев. Можно привести еще один пример с глаголом *тренировать(ся)*, где, как представляется, замена на возвратный глагол более уместна:

(8.1) *Разумеется, люди тренированные возвращаются к жизни гораздо ранее* (Ф. Горенштейн. Куча. [НКРЯ]).

(8.2) *Разумеется, люди тренирующиеся возвращаются к жизни гораздо ранее*.

Подстановка возвратного глагола в данном случае возможна, хотя она тоже меняет акциональные свойства глагола. Надо отметить, что формально подставить возвратный глагол можно достаточно часто, но он не сохранит полного значения исходной фразы, а именно: акциональный ярлык глагольной словоформы непременно изменится — состояние сменится действием. Среди тех примеров, которые допускают подстановки возвратного глагола, тех, что сохраняют стативность исходной ситуации, было всего 3. Вот одно из таких предложений:

- (9.1) *Служба внешней разведки, которая прежде всего ориентирована на получение данных агентурным путем, при всем желании не сможет поспеть за ГРУ* (А. Гольц. Кремлевский звездопад. «Еженедельный журнал», 17.03.2003 [НКРЯ]).
- (9.2) *Служба внешней разведки, которая прежде всего ориентируется на получение данных агентурным путем, при всем желании не сможет поспеть за ГРУ.*

Как видно, семантика глагола и ситуации позволяют даже при финитном глаголе сохранить стативность, поскольку имеется в виду установка СВР, а не ее конкретные действия.

Теперь нам стал понятен характер примеров, в которых замена на возвратный глагол невозможна или, если сказать иначе, нежелательна. Их акцент на состояние, а не на действие, мешает употреблению возвратного глагола, который обозначает именно процесс в противовес ситуации. Если же подстановка возвратного глагола возможна, она все равно некоторым образом меняет смысл фразы, заменяя состояние действием.

Статальные страдательные причастия действительно отличаются от акциональных — теперь еще и тем, что статальность иногда может стать стимулом для ослабления строгой «внешней пассивности», т.е. агент может сливаться с пациентом, образуя чистый рефлексив. Функция и семантика самого страдательного причастия как формы глагола не позволяет этому эффекту возникать, когда причастие обозначает действие, он может наблюдаться только тогда, когда действие исчезает. Когда действие не передается динамически от агента к пациенту, возможна подобная нейтрализация. По-видимому, именно статальность, именно это «уничтожение действия» и обуславливает возможность существования таких слов, как *меблированный* или *моторизованный*. Если необходимо обозначить характеристику чего-либо, и эта

характеристика является результатом какого-то действия (напр., заполнения комнаты мебелью), то возможно употребление синтаксически адъективной словоформы, явно образованной от глагола, который в финитной форме не употребляется: финитная форма обозначает действие, а обозначение данного действия в языке не востребовано.

Но для ослабления пассивности, как мы видели, статальности мало. Необходим субъект, который способен контролировать ситуацию (будь то индивид или коллективный субъект, напр., *партия* или *общество*). Тогда действие, уже не направленное так явно от агента к пациенту может попасть под контроль исходного пациента, и ситуация станет рефлексивной. Не стоит забывать, что это должна позволять сделать семантика самого глагола, т.к. многие глаголы не позволяют пациенту производить обозначаемое действие над самим собой.

Итак, статальность ситуации, субъект, контролирующий ситуацию и глагол, позволяющий ему это делать — вот слагаемые, из которых получается столь противоречивый эффект непассивности у страдательных причастий.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А., Шмелев А. Д. 2000 — *Введение в русскую аспектологию*. М.
Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; семантика нарратива)*. М.
Князев Ю. П. 1999 — Соотносительность возвратных глаголов с причастиями на -н, -т и ее границы. *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. СПб. 47–51.
Татевосов С. Г. 2005 — Акциональность: типология и теория. *Вопросы языкознания*. М. № 1. 108–141.